

М. С. БИТОН

СМЕРТЬ ИДЕАЛЬНОЙ ЖЕНУШКИ

В переводе
Дарьи Оверниковой

Хэмиш Макбет

М. С. БИТОН

Смерть идеальной жёнушки

«Эвербук»

1987

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Битон М.

Смерть идеальной женушки / М. Битон — «Эвербук»,
1987 — (Хэмиш Макбет)

ISBN 978-5-00-580960-5

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Тяжелые деньки приходят в Лохдуб. В деревеньку возвращается Присцилла Халбертон-Смайт, давняя любовь констебля Хэмиша Макбета. Да не одна, а с новым ухажером! На Лохдуб нападает несносная мошкара, а в один из домов въезжают новые жильцы. Поначалу супруги Томасы кажутся милой парой, вот только образцовая домохозяйка Трикси Томас довольно быстро наводит в Лохдубе свои порядки: в деревеньке открываются клубы по интересам, а курение и жирная пища оказываются под запретом. Вскоре сражающемуся со своими чувствами Хэмишу предстоит новое дело, ведь кто-то захотел отравить идеальную женушку...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-00-580960-5

© Битон М., 1987
© Эвербук, 1987

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

М. С. Битон
Смерть идеальной женоушки

© 1987 by М. С. Beaton

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй», 2026

Перевод с английского Дарьи Оверниковой

Глава первая

*– Не заглянете в мой домик? —
паук мухе предлагал. —
У меня прелестный домик,
для гостей роскошный зал.*

Мэри Хоувит¹

Настал новый день, прекрасный, как первое утро творения.

Констебль Хэмиш Макбет прогуливался по берегу залива Лохдуб, за ним семенил пес, а сам констебль пребывал в крайне благостном настроении. Уже целых две недели стояла отличная погода. Над головой у него было лазурное небо, перед ним – маленькая, но оживленная бухта, а за ней раскинулось потрясающей синевы открытое море, где на волнах мерцали алмазами солнечные блики. Над деревней нависали Сатерлендские горы, старейшие в мире – но под ленивым солнцем они казались не столь устрашающими. По ту сторону залива тянулись ввысь, будто шпили собора, сосны Серого леса, под которыми всегда прохладно и тенисто. Из-за заборов свешивались плети первых роз, а душистый горошек трепетал на ветерке, как платье красавицы времен короля Эдуарда. Буро-зеленый камуфляж пустоши, покрывший склоны гор, запестрел ярко-розовыми островками раннего июньского вереска. На обочине дороги покачивались настоящие шотландские колокольчики². Рядом, переплетаясь стеблями, ослепительно сияли желтая чина и фиолетовый мышиный горошек, а в траве виднелись цветы вьюнка, похожие на белые граммофонные трубы.

Прогуливаясь, Хэмиш увидел, как возятся в саду сестры Джесси и Несси Кэрри, местные старые девы. Садик у них был крайне строгого вида. Цветы росли ровными рядами за бордюрами из ракушек.

Хэмиш заглянул за живую изгородь и улыбнулся:

– Славный сегодня денек.

Оторвавшись от прополки, сестры распрямились и неблагосклонно оглядели констебля.

– Я смотрю, кому-то, как обычно, делать нечего, – сурово сказала Несси. На толстых стеклах ее очков играли блики солнца.

– Так это разве плохо? – радостно спросил Хэмиш. – Закон никто не нарушает, жен никто не бьет, даже пьянчужек не видно – в участок отправить некого.

– Тогда участок ваш надо закрыть. Участок ваш надо закрыть, – сказала Джесси. Она была прямо как дрозд у Роберта Браунинга: «Повторяет он дважды песню свою»³. – Стыд и срам! Такой детина – и без дела шляется. Стыд и срам!

– Вы смотрите, – ответил Хэмиш, – вот откопаю убийство специально для вас – и как вам это понравится?

– Слыхала, мисс Халбертон-Смайт вернулась, – объявила Джесси, злобно таращась на констебля. – Друзей из Лондона в гости привезла.

– А что, сейчас в самый раз приехать, – дружелюбно сказал Хэмиш. – Погода чудесная.

Он улыбнулся, приложил руку к фуражке и отправился дальше, но улыбка сошла с его лица, едва он отошел. Присцилла Халбертон-Смайт была любовью всей его жизни. Он хотел

¹ Из стихотворения «Паук и муха» (1829). – *Здесь и далее прим. пер.*

² В Шотландии под колокольчиком (bluebell) понимают колокольчик круглолистный, тогда как в остальных частях Британии так называют совершенно другое растение – гиацинтоидес неописанный, или дикий гиацинт.

³ Здесь цитируется стихотворение Роберта Браунинга «В Англии весной». Пер. С. Маршака.

знать, когда она приехала и кого привезла с собой. Он хотел знать, когда они увидятся. Тревога омрачила его разум. Сразу показалось удивительным, что день по-прежнему безупречен: солнце светит, тюлень лениво плещется в спокойных водах бухты.

Хэмиш постарался собраться с духом. Вокруг пахло солью, дегтем и соснами. Он отправился в гостиницу Лохдуба в надежде добыть чашечку кофе.

Он вошел в кабинет управляющего – мистер Джонсон был на месте.

– Утощайся, – сказал тот, кивнув в сторону кофемашины в углу.

Дождавшись, когда Хэмиш нальет себе чашку и присядет, мистер Джонсон сообщил:

– Дом Уиллетов продали.

Хэмиш приподнял брови:

– Вот уж не ожидал, что желающие найдутся.

Вилла Уиллетов, построенная еще при королеве Виктории, стояла далеко от моря. На продажу ее выставили пять лет тому назад, и состояние дома оставляло желать лучшего.

– Я так понимаю, за бесценку купили. За десять тысяч, говорят.

– А кто купил?

– Англичане какие-то, Томас их фамилия. Больше ничего не знаю. Вроде сегодня собирались въехать. Может, для тебя работа найдется.

Хэмиш усмехнулся:

– Преступление, что ли? Да что может случиться в такую погоду?

– Барометр что-то падает.

– Никогда не видел, чтобы барометр угадал с погодой, – сказал Хэмиш. – А что там в поместье Томмель?

Хэмиш спрашивал с напускным безразличием, но мистера Джонсона было не провести. В поместье Томмель, в паре миль от Лохдуба, жила Присцилла Халбертон-Смайт.

– Я так понимаю, Присцилла друзей с собой привезла, – сказал управляющий.

Хэмиш отхлебнул кофе.

– Что за друзья?

– Вроде как золотая молодежь. Два парня, две девушки.

Хэмиш поймал себя на том, что выдохнул с облегчением. Похоже, все-таки две парочки.

Он-то боялся услышать, что Присцилла привезла ухажера.

– Вы их уже видели? – спросил он.

– Ага, вчера к нам на ужин заходили.

Хэмиш напрягся.

– А что, полковник так не рад гостям, что его дочери приходится принимать друзей в гостинице?

Мистер Джонсон смутился.

– Они гостят в поместье уже больше недели, – сказал он и перевел взгляд на потолок, чтобы не видеть разочарования на лице Хэмиша.

Хэмиш медленно поставил на стол чашку с недопитым кофе.

– Что ж, мне пора на обход, – сказал он. – Пойдем, Таузер.

Крупный пес неопределенной породы понуро последовал за хозяином. Хвост-метелка поник, словно барбос чуял, что Хэмиш не в настроении.

Выйдя во двор гостиницы, Хэмиш застыл среди горшков с алой геранью и заморгал на солнце. Да, странно, что погода так и не испортилась. Больше недели! А она даже не позвонила.

Он направился обратно к полицейскому участку и прошел через сад на заднем дворе, чтобы проверить воду у овец в крофте⁴. Солнце пекло ему спину, из вереска раздавался свист

⁴ В Шотландии крофтом называется небольшой участок земли, который используется для сельского хозяйства, но не принадлежит фермеру, а берется в аренду у землевладельца.

кроншнепов, а над головой пролетал канюк – прямо к солнцу, словно Икар. Большая черная овца неспешно приблизилась к Хэмишу и дотронулась носом до его руки. Тот машинально погладил овцу, но мыслями был в Томмеле. В их последний разговор Присцилла поддела его насчет лени и нехватки амбиций. Амбициозным человеком Хэмиш и вправду не был. Расслабленная жизнь ему нравилась, и он любил Западный Сатерленд: горы, вереск, залив, а за ним – океан, где, как поговаривают старики, синие люди плещутся на волнах, а мертвецы возвращаются к жизни в обличье тюленей.

Хэмиш решил: «Загляну в поместье, хуже не будет».

Он сел в новенький белый «лендровер», пожалованный ему начальством из Стратбейна, наверняка с подачи старшего детектива-инспектора Блэра: тот сделал себе имя на делах об убийствах, раскрытых с помощью Хэмиша. Хэмиш, конечно, раскрывал их в одиночку, но не возражал, когда неотесанный инспектор приписывал заслуги себе.

Извилистая дорога к замку вела «лендровер» по холмам, и, поднимаясь над деревней, Хэмиш воспрянул духом. Наверняка окажется, что причина, по которой Присцилла его не навестила, очень проста. Полковник ведь крайне недоволен тем, что его дочь водится с деревенским полицейским, – разумеется, это отец велел ей держаться от него подальше. Так думал Хэмиш, намеренно закрывая глаза на то, что раньше ни крутой нрав отца, ни его мнение совершенно не мешали Присцилле.

Хэмиш остановился, не заезжая в ворота, и припарковал «лендровер» на обочине. Он надеялся незаметно разведать обстановку.

Медленным шагом он пошел по дороге. Послышались возгласы и смех, так что, вместо того чтобы повернуть к лужайке перед домом, он направился напрямик в сосновую рощу и неслышно побрел по опавшей хвое, пока не нашел место, где мог бы видеть все, но сам оставаться невидимым.

Это была Присцилла с друзьями – они играли в крокет. Поначалу Хэмиш никого не видел, кроме нее. Она склонилась над молотком, и золотистые волосы упали ей на лицо. На ней была простая белая блузка, короткая прямая юбка из алого хлопка и изящные коричневые сандалии на низком каблуке. Затем Хэмиш обратил внимание на человека, который подошел и приобнял ее сзади, чтобы показать, как бить по шару. Мужчина был высокий, с курчавыми темными волосами, красивым лицом и выбритым до синевы подбородком. На нем была клетчатая рубашка с закатанными рукавами, в распахнутом вороте которой виднелись черные волоски – такими же были покрыты его мощные загорелые руки.

С ними были две девушки в спортивной одежде – обе с обезьяньими личиками, какие бывают у богачей из Челси, и аккуратными прическами. Второй мужчина напоминал зайца и носил очки в золотой оправе.

А потом Хэмиш увидел, как Присцилла улыбнулась брютету самой счастливой, самой лучезарной улыбкой, и весь похолодел. Констебля одолели мрачные мысли. Присцилла Халбертон-Смайт влюбилась в этого волосатого неандертальца, в эту гориллу! Боль была острой и резкой. Улыбка вдруг сошла с лица Присциллы, и она огляделась, а затем посмотрела прямо на деревья.

Хэмиш бесшумно ускользнул из рощи. Он весь заледенел. Он брел обратно к «лендроверу», и от тоски его ноги будто увязали в грязи.

Обратно в Лохдуб он ехал медленно – так, будто сел за руль пьяным и силился протрезветь. Но вдруг ему бросился в глаза большой, покрытый пылью мебельный фургон рядом с домом Уиллетов. Новые жильцы прибыли.

Не желая оставаться наедине со своими мыслями, Хэмиш подъехал к дому и припарковался рядом с фургоном. Свои пожитки разгружала семейная пара: высокая элегантная женщина и крупный неуклюжий мужчина.

– Помощь нужна? – спросил констебль. – Я Хэмиш Макбет, местный слуга закона.

Женщина вытерла руку о штаны и протянула Хэмишу.

– Трикси Томас, – представилась она. – А это мой муж Пол.

Ростом она была почти что с Хэмиша. На плечи ей спадали каштановые волосы, вьющиеся от природы, а белки огромных карих глаз немного отливали голубым. Губы у нее были тонкие, а улыбаясь, она обнажала крупные белоснежные зубы. Хэмишу показалось, что ей около сорока пяти. Ее муж, крупный увалень с лицом потрепанного жизнью клоуна, кажется, недавно сбросил вес на строгой диете. Это было видно по обвисшей коже – когда-то она явно обтягивала тучную фигуру. У него были черные глазки, большой рот и приплюснутый нос.

– Вы как, справляетесь? – спросил Хэмиш.

– Стараемся, – вздохнула Трикси. – Но жара ужасная. Мы этот фургон сами наняли, на перевозчиков денег не хватило, так что приходится самим справляться... понемножку. – Она округлила глаза, поджала губы и беспомощно всплеснула руками.

– Давайте помогу, – сказал Хэмиш. Он снял фуражку и закатал рукава голубой форменной рубашки.

– Ой, как хорошо! – воскликнула Трикси. – Пол у меня, бедненький, совсем ничего не может. – Она говорила с каким-то придыханием, и в ее голосе слышались плаксивые нотки выговора кокни.

Хэмиш покосился на Пола – мало кому понравится, когда про него так говорят, – но здоровяк благостно улыбался.

Хэмиш только рад был отвлечься от своих забот, так что трудился не покладая рук. Они с Полом заносили в дом мебель и всяческие безделушки, а Трикси расхаживала по комнатам и указывала, куда что поставить.

– Мебели маловато, – заметила она. – Мы оба безработные, на пособия, решили – откроем в доме пансион.

– Ну, если постараетесь, может, застанете туристов в июле – августе, – сказал Хэмиш. – А если хотите подержанную мебель – это вам в Алнесс, есть там хороший магазинчик. Ехать, конечно, далековато, но...

Трикси снова поджала губы.

– У нас на мебель уже ничего-ничего не осталось, – сказала она. – Я думала, может, местные поделятся чем-нибудь ненужным.

– Возможно, у меня что найдется, – сказал Хэмиш. – Давайте зайдём в участок, как закончим, я для вас что-нибудь состряпаю.

О приглашении он пожалел мгновенно. Тщеславие ему было несвойственно, но все же он заподозрил, что Трикси с ним заигрывает. Она то и дело одаряла его знаками внимания – то задевала будто случайно, то подчеркнуто улыбалась.

Когда Томасы явились в участок, Хэмиш пожалел еще сильнее. Пока он возился на кухне, Трикси бродила по дому и заглядывала в другие комнаты без спросу. Когда она вернулась, щеки у нее слегка разругались, а глаза округлились до предела.

– Я заметила, вы не зажигаете камин, – начала она, – а у вас там такое старенькое ведро для угля... У нас вот такого нет. – Она грустно улыбнулась. – Денег не хватило.

Ведро Хэмишу подарила тетка. Оно было еще восемнадцатого века, с эмалевыми вставками, и он им весьма дорожил. Но глаза Трикси будто затягивали в омут, и отчего-то ему стоило большого труда покачать головой и сказать:

– Но зимой-то оно мне нужно. С чего мне жечь камин в жару?

Затем Трикси принялась за кухонные полки. Она схватила банку клубничного джема и прочла этикетку.

– Ой, Пол, смотри, клубничный! Еще и домашний. Обожаю домашний джем.

– Возьмите себе, – предложил Хэмиш.

Она бросилась на него с объятиями.

– Какой же вы душка! – воскликнула она.

Хэмиш вывернулся из ее рук и пошел накрывать на стол.

Трикси ему не понравилась, но почему так сильно – он пока не понимал. Внимание Хэмиша переключилось на Пола. Здоровяк сказал, что они с женой устали бегать как белки в колесе и решили отправиться в шотландские горы, попробовать себя в работе с туристами.

– В доме, конечно, есть над чем поработать, – продолжил он, – но, думаю, мы быстро разберемся, а потом я, может, разобью огород, чтобы выращивать овощи на продажу. Участок у нас большой.

– Одна беда, – сказал Хэмиш, отводя в сторону длинные ноги, поскольку Трикси прижалась к нему коленями. – Лето у нас в последнее время так себе, народ за границу в отпуск едет. Но с другой стороны, аэропорты теперь так забиты, что кто-то предпочитает путешествовать по Британии – это я в новостях слышал. Так что, может, вам и повезло.

– Мы уже дали объявления в «Вестник Глазго» и «Шотландец», – сказала Трикси, – о том, что ищем постояльцев на июль и август.

Хэмишу показалось странным, что при всей нехватке денег у них нашлось на что подавать объявления в газеты. К тому же июнь уже подходил к концу. Трикси и Полу пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы пансион открылся вовремя.

Вставая из-за стола, Трикси спросила:

– Надеюсь, я не слишком вас обременю, но, может, у вас есть лишняя мебель? Она все-таки вся казенная.

– Полиция предоставляет только стул, письменный стол, шкаф для бумаг и телефон, – сказал Хэмиш. – В жилых комнатах все за мой счет. Сейчас у меня нет времени, но, если что-нибудь найдется, обязательно скажу.

Он проводил их до двери и вздохнул с облегчением. И только тогда, провожая их взглядом, с содроганием осознал, что погода переменилась. Воздух напитался влагой, и солнце скрылось за тонкой облачной пеленой. Хэмиш принялся неторопливо расхаживать по лужайке перед полицейским участком, не сводя глаз с залива.

Сырой ветер нес с моря дождевые тучи. Они будто тянули длинные пальцы к поверхности воды, подернутой черной как нефть зыбью. А потом налетели мошки – шотландский гнус, горная чума. Ко всеобщему счастью, их долго не было видно, поскольку дни стояли сухие. Теперь же они слетелись целыми тучами, забивали нос и глаза. Чертыхаясь, Хэмиш вбежал обратно в кухню и закрыл за собой дверь.

Идиллия окончилась. Погода испортилась, Присцилла привезла ухажера, а в Лохдуб переехала новая семейка, от которой так и веяло смутным беспокойством и близкой бедой.

Тем вечером доктора Броуди ждал обильный ужин: стейк и жареная картошка. Они с женой ели на кухне, за круглым столом. Доктор уже не верил, что однажды увидит его чистым: тарелка с ужином стояла в окружении книг, журналов, кассет, писем, требующих ответа; в вазе для фруктов хранились скрепки, шпильки, две отвертки, тюбик клея и жухлый апельсин.

Его жена сидела напротив, оперев книгу на бутылку вина. Доктор Броуди рассматривал ее с теплотой: худое умное лицо, большие серые глаза. Прядки по-детски тонких светлых волос падали ей на лоб, и она смахивала их перепачканной в угольной пыли рукой. Доктор Броуди был весьма доволен жизнью. Дела у его маленькой деревенской клиники шли хорошо, и хотя ему и хотелось подчас, чтобы Анджела, его жена, лучше управлялась с хозяйством, но домашний бардак уже стал ему привычен. Под столом храпели два спаниеля Анджелы, а по столу расхаживал кот.

– Тебе кот в тарелку наступил, – заметил доктор.

– Правда? Кыш! – сказала Анджела и, рассеянно махнув рукой, перевернула страницу.

– В доме Уиллетов новые жильцы, – сказал доктор, поливая стейк коричневым соусом⁵, а картошку – кетчупом. Он взял бутылку, на которую Анджела опирала книгу, и налил себе вина. Книга рухнула. – В доме Уиллетов новые жильцы, говорю, – повторил он.

Жена обратила на него прояснившийся взгляд.

– Тогда надо будет с ними завтра поздороваться, – сказала она. – Испеку им торт.

– Чего? Ты давно научилась печь торты?

Анджела вздохнула:

– Да, правда, хозяйка из меня так себе. Но на этот раз я постараюсь. Я купила смесь для торта. Могу же я просто следовать инструкции?

– Как скажешь. Тут сегодня Присцилла Халбертон-Смайт в клинику заходила – забрать лекарства для отца. Потом сразу уехала.

– И что?

– Так она уже неделю назад вернулась, а в полицейском участке так и не была.

– Бедный Хэмиш. И зачем она ему сдалась? Он же такой симпатичный.

– Так и Присцилла красавица.

– Да, это правда, – сказала Анджела, и в ее голосе не было ни нотки зависти. – Может, и для Хэмиша торт испечь?

– Главное, помни: огнетушитель над плитой, – предупредил доктор. – А то, помнишь, ты джем пыталась сварить, а он загорелся?

– Такого не повторится, – сказала Анджела. – Я, наверное, о своем задумалась.

Она поднялась со стула, прошла к холодильнику и достала две стеклянные вазочки с трайфлом из местной пекарни. Трайфл состоял из заварного крема, напоминающего резину, жидковатого красного джема и химических взбитых сливок. Доктор с удовольствием съел десерт, запил кьянти и закурил.

Он был стройный и резвый мужчина за пятьдесят, с намечающейся лысиной, голубыми глазами и веснушками. Зимой и летом он носил заношенные твидовые костюмы.

Полужинав, семья перешла в гостиную, предоставив коту расхаживать по кухонному столу и приниматься к грязным тарелкам.

Камин потух. Анджела выгребала пепел, только когда камин забивался так, что его уже нельзя было разжечь. Встав на колени перед очагом, она принялась зачерпывать совком кучи серой золы и сыпать в ведро.

– Да чего ты? – спросил доктор. – Не мучайся, зажги электрический.

– И правда, – сказала Анджела.

Она поднялась на ноги, бросив замаранный золой очаг, и включила электрический камин. Какой бы теплой ни была погода, дома у них всегда было холодно. Дом был старый, с толстыми стенами и каменными полами. Затем Анджела зашла на кухню, машинально погладила кота, забрала книгу, вернулась в гостиную и снова принялась за чтение.

Доктор успел свыкнуться с тем, что у них дома бардак. Как бы он удивился, если бы знал, что сама Анджела ненавидит жить в таких условиях! Часто она размышляла, как славно было бы взять себя в руки и прибраться как следует, но сразу погружалась в серую тоску. Когда-то она любила читать для развлечения дамские журналы, а теперь и взглянуть на них не могла, такой ущербной себя чувствовала при виде глянцевого страниц с безупречными кухнями и новенькими тюлевыми занавесками.

Но на следующее утро, подав мужу завтрак – поджаренные кружки черного пудинга, хаг-гис, бекон, колбаски, гренки, яичницу из двух яиц, – она воодушевилась. Теперь у нее была Цель. Она поступит как хорошая жена – испечет торт и угостит им новых соседей.

⁵ Коричневый соус подается в Британии к различным блюдам, в том числе к стейку. Его основные ингредиенты – томаты, уксус и патока.

Взявшись за упаковку «Готовой смеси от Джозефа», она прочла рецепт на обороте и возмутилась до глубины души. Что это за «готовая смесь» такая, если все равно нужно добавить яйца, молоко, соль и прочую ерунду, и почему нельзя было положить все это в упаковку сразу, чтобы ей не возиться? Она пошарила по кухне в поисках формы для выпечки, пока не вспомнила, что из нее пьют собаки. Выплеснула воду, налила собакам воды в супницу, вытерла форму для выпечки бумажным полотенцем, смазала маслом и взялась за работу.

Позже, днем, она отправилась к дому Уиллетов («Нет, – подумала она, – теперь это дом Томасов»), чрезвычайно собой гордясь. Она несла на вытянутых руках, словно корону на подушечке, бисквитный торт со сливочным кремом.

Вокруг викторианской виллы кипела работа. Арчи Маклин, деревенский рыбак, заносил в дом столик, миссис Веллингтон, жена священника, мыла окна, а крофтер Берг Хук прочищал водосточные желоба, забравшись на крышу.

Входная дверь была открыта, и Анджела зашла внутрь. К ней вышла высокая женщина.

– Я Трикси Томас, – сказала она. – Ой, какой красивый торт! Мы обожаем торты, только не можем себе позволить такую роскошь. Мы же безработные, живем на выплаты от государства.

Анджела представилась и ощутила прилив гордости, когда Трикси сказала:

– Ну что ж, можно и сделать перерыв на кофе. Да хоть сейчас.

Она провела Анджелу на кухню. Пол, муж, был занят мытьем стен.

– Ему, бедненькому, ничего сложнее не доверишь, – удрученно прошептала Трикси. Затем, уже громче: – Дорогой, тут жена доктора пришла, принесла вкусный торт. Давай кофе попьем. Анджела, присаживайтесь.

Анджела села за стол, накрытый скатертью в красно-белую клетку. За окном жужжали синие мясные мухи.

– Вам надо спрей купить, – заметила Анджела. – Мухи сегодня так и донимают.

– А я думаю, озоновый слой и так уже пострадал, – ответила Трикси. – Я лучше по старинке повешу липучки от мух.

Она включила кофемашину, на вид совершенно новую.

– Зерна я мелю сама, – бросила она через плечо.

Пол уже сидел за столом и жадно, как маленький ребенок, смотрел на торт.

– Маленький кусочек – и все, – предупредила его жена. – Ты на диете.

Анджела восхищенно разглядывала Трикси. На той была льняная рубашка-балахон с большими карманами, синие джинсы и кроссовки – белоснежные, без единого пятнышка. Анджела тоскливо одернула свою помятую блузку, которая выбилась из-за пояса мешковатой юбки. Она казалась себе совершенной неряхой.

– Что ж, примемся за торт, – сказала Трикси и принесла нож.

Пол нетерпеливо склонился над столом. Нож погрузился в торт. Трикси попыталась отделить кусочек. Середина оказалась сырой. Желтоватая жижа потекла на тарелку.

– О нет, – сказала Анджела. – Это есть нельзя. Не знаю, как так получилось. Я все делала по инструкции на упаковке.

– Ничего, – выпалил Пол. – Я буду.

– Нет, не будешь, – сказала Трикси и одарила Анджелу заговорщической улыбкой: «Мужчины!»

– Какая же я бестолковая, – огорчилась Анджела.

– Не переживайте. Я вам покажу, как печь торт. Самой ничуть не сложнее, чем из готовой смеси. Все равно это было мило с вашей стороны.

Трикси убрала торт подальше от мужа. Он вздохнул, поднялся на ноги и побрел обратно работать.

– Я все делаю не так, – сказала Анджела. – И с хозяйством у меня беда. Не дом, а помойка.

– Вы его, наверное, запустили, – сочувственно сказала Трикси. – Может, наймете кого-то помочь по хозяйству?

– Ой, нет, не могу. Понимаете, все так плохо, что нужно самой разобраться, а то домработница и шагу ступить не сможет.

– Я помогу, – улыбнулась ей Трикси. – Мне кажется, мы подружимся.

Анджела залилась краской и быстро отвернулась, чтобы Трикси не увидела стыда – и радости – на ее лице. Она никогда не ладила с другими женщинами в деревне. Она вообще никогда никому не признавалась, как тяжело ей жить в грязном доме.

– Что вы, Трикси, как я могу у вас такое просить! – сказала Анджела и сразу почувствовала себя вольной и современной дамой: в деревне все называли друг друга «мистер Такой-то» или «миссис Такая-то», если только не дружили много лет.

– Предлагаю вам обмен, – сказала Трикси. – Я сейчас к вам заскочу, и, если у вас найдется какая-нибудь старая мебель на выброс, то заберу ее себе, а денег не возьму.

– Чудесно, – ответила Анджела и почувствовала себя так, будто ее взяли под крыло, как не чувствовала себя с самого детства.

Но по дороге домой Анджела вдруг пожалела о своем приглашении. Она вспомнила о забитом очаге, из которого так и сыпалась на ковер зола, о зловредных каплях жира, поджигающих на кухне.

Трикси решительно вошла в дом, закатав рукава. Она обошла все комнаты на первом этаже и бодро заявила:

– Так, главное – просто взяться за дело и ни о чем не думать.

И Трикси принялась за работу. Ее руки так и мелькали. Она делала все с поразительным мастерством. Капли жира исчезли, полы и столы засияли, книги вернулись обратно на полки. Анджеле все это казалось колдовством – словно Мэри Поппинс хозяйничает. Она ходила за новой наставницей по пятам и с радостью бросалась делать все, что та ни прикажет, будто это Трикси была хозяйкой дома.

– Что ж, начало положено, – сказала наконец Трикси.

– Начало?! – поразилась Анджела. – Да здесь в жизни такой чистоты не было. Я не знаю, как вас отблагодарить.

– А нет ли у вас старой ненужной мебели?

– Конечно. – Анджела беспомощно огляделась по сторонам. – Что-то точно должно быть.

– Может, то старое кресло, которое у вас стоит в углу гостиной?

– А, вон то?

Кресло было без подлокотников, с расшитой бисером обивкой.

Анджела колебалась недолго. Кресло ей досталось от бабушки, но в нем никто не сидел, а новоявленной богине домашнего очага она была благодарна до глубины души.

– Хорошо, вечером попрошу Джона отвезти его на машине.

– Не надо. – Трикси подняла кресло сильными руками. – Сама отнесу.

Как бы Анджела ни причитала, что ей будет тяжело, Трикси понесла кресло домой. Анджела проводила ее до калитки. Ей хотелось спросить: «Когда мы снова увидимся?» – и она робела, будто влюбленная. Доктор Броуди часто выезжал к пациентам на дом, и Анджела много времени проводила в одиночестве. Работы у нее не было уже тридцать лет, с того самого дня, когда она вышла замуж за Джона Броуди, тогда еще студента-медика. Детей завести у них не вышло. Родители умерли. Казалось, все годы замужества только книги составляли ей компанию.

У калитки Трикси обернулась.

– До завтра, – сказала она.

Анджела заулыбалась, и ее худое лицо стало казаться юным и счастливым.

– До завтра, – отозвалась она.

Констебль Хэмиш Макбет стоял у своей калитки, подпирая ее плечом, и заметил, как мимо идет Трикси с креслом.

Он окликнул ее:

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, – бросила Трикси, поспешно шагая к дому.

Хэмиш проследил за ней взглядом. Где же он видел это кресло? Он перебрал в уме внутреннее убранство каждого дома в Лохдубе. Точно, у доктора! Он неторопливо направился к дому доктора и подошел к боковой двери – в шотландских горах, кроме Томасов, парадной дверь никто не пользовался.

– Хэмиш, заходите! – воскликнула Анджела, увидев, что на пороге у нее стоит тощий рыжий полицейский. – Кофе будете?

– Да, пожалуйста.

Хэмиш ступил в кухню и удивленно моргнул. Такой чистой он кухню в доме Броуди не видел никогда. Анджела, сияя от восторга, рассказала, как Трикси ей помогла.

– А Трикси не ваше кресло домой несла? – спросил он.

– Да, у них же, бедных, совсем мебели нет, а они хотят открыть пансион. А кресло просто старье, от бабушки досталось.

Хэмиш призадумался. Обычно человеку, желающему открыть пансион, нужна мебель старая, но практичная. Со смутным беспокойством он задумался, сколько на самом деле стоит это кресло. Но об антиквариате Хэмиш ничего не знал.

В кухне жужжали мухи.

– Надо было дверь закрыть, – сказала Анджела. – Ох уж эти мухи.

– А вот же у вас спрей, – заметил Хэмиш.

– От него в озоновом слое дыры, – возразила Анджела.

– Да, наверное. Но с-с-сложно, понимаете, думать об окружающей с-с-среде, когда вс-с-ся кухня в этих тварях, – сказал Хэмиш.

Его свистящий горский акцент, как обычно, усилился от расстройства. Почему-то ему казалось, что мысль об озоновом слое Анджела почерпнула у Трикси. А Трикси ведь права – и что ему тогда не нравится?

Немного посплетничав, он попрощался и ушел. Слегка моросило. Небо над заливом роняло капли, будто слезы, но воздух был теплый и влажный. И тут Хэмиш заметил, что рядом с полицейским участком припаркован «вольво», из которого вылезает Присцилла, и перешел на бег.

Глава вторая

*Любовь, тебе ли всё одной?
Увы! Что станется со мной?*

Джон Лили⁶

На подходе к участку он сбавил темп и постарался принять непринужденный вид, хотя во рту у него пересохло, а сердце так и колотилось.

К счастью, не успел он добраться до Присциллы, как собственная гордость пришла ему на выручку. Ему, Хэмишу Макбету, не пристало бегать за женщиной с таким ужасным вкусом, что ей может вскружить голову мужчина, похожий на гориллу.

– Добрый вечер, Присцилла, – сказал он.

– Скорее открывай дверь, – бросила она. – Меня сейчас съедят. А тебя почему мошки не трогают?

– Я весь в репелленте, – ответил Хэмиш. – И вообще, дверь и так открыта, меня ждать не обязательно. Чем обязан?

Присцилла присела за кухонный стол и сняла капюшон анорака.

– Отец решил, что мне стоит нанести визит новым жителям, – сказала она.

«Ну да, конечно, – мрачно подумал Хэмиш, – раз уж леди взялась наносить визиты подданным, можно и к полицейскому зайти – так, мимоходом».

– И как они тебе? – спросил Хэмиш, поставив воду кипятиться.

– По-моему, очень приятные люди. Миссис Томас очень напористая. Супруга доктора Броуди помогала ей все расставить по местам. Миссис Броуди, разумеется, очень рада наконец найти подругу.

– Что значит «разумеется»?

Хэмиш старательно отмерил нужное количество заварки и пересыпал в чайник.

– Миссис Броуди очень одиноко. Знаешь, ей бы пошло быть рассеянным ученым: писать диссертации, получать степень за степенью. Мозгов много, самооценки никакой, практического ума тоже почти нет. Трикси Томас ее взяла в оборот. Завтра собирается сделать ей завивку.

– Не надо ей завиваться, – сказал Хэмиш. – Ей хорошо с пушком.

– Ну, главное – она счастлива, а волосы отрастут, – заметила Присцилла.

Хэмиш подал ей чашку, налил себе чая и уселся за стол напротив нее.

– А как тебе ее муж Пол? – спросил он.

– Славный мужчина. Немного беспомощный, как ребенок. Кажется, Трикси из кожи вон лезет, чтобы и за ним уследить, и пансион приготовить к открытию.

– Или она просто хочет, чтобы мы так думали, – заметил Хэмиш. – Она тебя не просила отдать ей мебель?

– А знаешь, просила. Но я сказала ей обращаться к отцу, мебель ведь не моя.

– Я слышал, ты вернулась неделю назад.

Присцилла взглянула в карие глаза Хэмиша; они смотрели спокойно и оценивающе.

– Я хотела заехать раньше, – начала оправдываться она, – но время как-то быстро пролетело. Со мной приехали друзья. Они завтра уезжают.

⁶ Из «Песни Апеллеса» – стихотворения, которое входит в пьесу Лили «Кампаспа» (1584), но часто печатается как самостоятельное произведение. Пер. А. Лукьянова.

- А кто они?
- Просто друзья. Сара Джеймс, ее сестра Джанет, Дэвид Бакстер и Джон Берлингтон.
- Я их видел, – сказал Хэмиш как бы между прочим. – Мимо проезжал. А волосатый кто?
- В смысле, такой красивый, загорелый? Это Джон.
- А чем он занимается?
- Он биржевой маклер. Очень успешный.
- Яппи, значит? Как-то он староват для молодого и перспективного.
- Хэмиш, вот бы не подумала, что ты что-то имеешь против яппи. Ну да, он не слишком

молод, ему тридцать.

– Почти как мне, – сухо заметил Хэмиш.

– Так вот, он очень трудолюбивый и амбициозный. Купил шикарный коттедж в Глостере, чтобы ездить на выходные, хочет и меня туда отвезти, когда я вернусь в город в сентябре. Я хожу на курсы пользования компьютером. Осенью опять начнутся занятия.

– И ты в него влюблена, – прямо сказал Хэмиш.

Присцилла зарделась:

– Не знаю. Наверное.

На миг Хэмиш был готов ее ударить. Скажи она «да», его надеждам пришел бы конец, и понемногу он смирился бы со своим положением. Но Хэмиш знал, что влюбленные не сомневаются в том, что влюблены, и мысленно проклинал ее за то, что она, сама того не зная, дразнила его надеждой. Он не мог на нее претендовать. Для Присциллы он был просто другом, вот и все.

Присцилла сменила тему:

– А я думала, после истории в Кроэне ты точно получишь повышение.

– Я же тебе говорил, я не хочу повышения. Мне здесь очень хорошо.

– Хэмиш, мне кажется, когда мужчина не хочет строить карьеру, это признак некоторой... инфантильности.

– А вы-то, мисс Халбертон-Смайт, просто сама амбициозность! Или вы барышня старомодная, ваша главная амбиция – найти супруга, у которого будут свои?

– Какой противный чай, – сказала Присцилла. – И ты противный. Обычно ты такой приветливый, такой милый.

– Присцилла, ты меня с-с-сейчас назвала инфантильным разгильдяем и теперь хочешь, чтобы я вел с-с-себя мило?

– Да, ты прав. – Она коснулась рукава его джемпера. – Прости, Хэмиш. Давай начнем сначала. Я только пришла, ты налил мне отвара из опилок, мы обсуждаем Томасов.

Хэмиш широко улыбнулся, чувствуя внезапное облегчение. Он очень дорожил своей обычной веселой дружбой с Присциллой и не хотел ее терять.

Присцилла улыбнулась в ответ, а потом вздохнула. Хэмиш был высокий, тощий и нескладный, и целеустремленности ему не доставало. Но, когда он улыбался и шурил карие глаза, казалось, что он часть старого, невинного мира, о котором Джон Берлингтон ничего не знал и где был совершенно чужим.

– Так вот насчет Томасов, – сказала она. – У жены прямо замечательная способность устраивать так, чтобы все всё делали за нее. По-моему, у них уже половина деревни побывала: кто еду принес, кто починил что-нибудь.

– А откуда они?

– Из Эджвера. Это север Лондона.

– В Лондоне работы хватает, – сказал Хэмиш, – не то что на севере Англии. Странно, почему он на пособии?

– Может, не всегда так было. Может, он бросил работу, чтобы сюда приехать, а здесь начал получать пособие. А что ты ими так интересуешься?

– Есть у меня нехорошее предчувствие, что от них нужно ждать беды, – медленно произнес Хэмиш.

В кухонную дверь постучали, и Хэмиш отворил ее. На пороге стоял Джон Берлингтон.

– А Присцилла здесь? – спросил он. – Я видел ее машину.

– Я здесь! – воскликнула Присцилла, вскочив на ноги.

Она представила их друг другу. Обаятельное лицо Джона Берлингтона озарилось приветливой улыбкой.

– Давно тебя не видел, Цилла, – сказал он. – Все тебя ждут.

Присцилла ушла с Джоном. Хэмиш побрел в кабинет и начал бесцельно брать в руки какие-то бланки и снова класть на место. Цилла! Ну и прозвище. Он услышал, как снаружи смеются, как Джон Берлингтон сказал:

– Ни за что не догадаетесь, чем наша Цилла занималась. Чаевничала с деревенским легавым! Дорогая, ты такая прелесть.

Судя по всему, с ними была остальная компания.

Хэмиш сел за стол. Ему показалось, что он совсем не знает Присциллу Халбертон-Смайт. Он бы в таком обществе долго не выдержал – но, может, ревность мешала ему смотреть на вещи непредвзято.

В тот вечер, придя домой, доктор Броуди с подозрением принялся. Казалось, весь дом пропах полиролем и дезинфицирующим средством. Должно быть, уборка совершенно вымочила Анджелу. С другой стороны, ему всегда хотелось жить в чистом доме. Он сел за стол.

Анджела достала из кастрюли два пакетика с карри быстрого приготовления и два с рисом. Разрезав пакетики, она выложила содержимое на тарелки – для себя и для мужа.

– А где Раффлз? – спросил доктор, сдобривая свой рис манговым чатни.

– Я выставила его в сад. Он залезает на стол, когда мы едим, а кошки – разносчики бактерий.

– По-моему, у нас к его бактериям уже иммунитет, – сказал доктор. Он наполнил бокал содержимым бутылки, этикетка которой гласила просто: «Кларет» – уточнить урожай или винодельню было ниже ее достоинства. – А с чего ты вдруг испугалась, что Раффлз осквернит наш дом?

– Трикси Томас говорит, что с кошками надо быть осторожнее. И вообще, мне надоело, что он везде линяет.

– Бедный Раффлз, – сказал доктор, но его жена уже погрузилась в книгу.

Доев карри, он спросил:

– А что у нас на десерт? А то этими блюдами быстрого приготовления толком не наешься. Анджела встала из-за стола.

– Я приготовила карамельный пудинг, – объявила она. – Трикси меня научила.

Она поставила перед мужем тарелку. Попробовав ложечку, он изумленно приподнял брови.

– Вкусно, – сказал он. – Просто потрясающе. Молодчина.

– Это все Трикси.

– Что ж, слава Трикси, – сказал доктор, с удовольствием оглядывая сияющую кухню.

В ближайшие несколько недель ему предстояло сильно пожалеть об этих словах.

Время ползло, и наступил июль. Дни стояли длинные и нервные. То и дело моросило, дул теплый влажный ветер, а значит, мухи и мошки налетали тучами. Трикси установила у дома табличку «Пансион „Лавры“». Уже нашлись и гости: потрепанного вида женщина из Глазго с целым выводком шумных болезненных детей и тихий худощавый мужчина, скитавшийся по деревне привидением.

Хэмиш старался обходить Томасов стороной, но однажды увидел Пола в саду и решился подойти, поскольку Трикси поблизости видно не было.

Завидев Хэмиша, здоровяк оперся на лопату и сказал:

– Вот пытаюсь огород разбить. Трудное это дело. Землю уже много лет не вскапывали.

– А где миссис Томас? – спросил Хэмиш.

– Да вот уехала куда-то. Вроде в Инвернесс.

– Да, дело нелегкое, – сочувственно сказал Хэмиш. – А знаете, у Арчи Маклина есть роторный культиватор – ну, знаете, такая машинка, которой землю можно разворотить. Если он не на рыбалке, то, думаю, согласится одолжить. Хотите, сходим к нему вместе и спросим?

– Было бы здорово.

Пол бросил лопату, вытер руки о штаны и, выйдя за калитку сада, встал рядом с Хэмишем.

– Вам тут, наверное, непривычно после Лондона, – заметил Хэмиш, смазывая лицо роликовым репеллентом.

– Думаю, мне это место пойдет на пользу, – сказал Пол. – Начну с чистого листа. Раньше я из себя ничего не представлял. Трикси просто чудо. Не знаю, что бы со мной случилось без нее.

– А кем вы работали в Лондоне?

– Да так, делал все понемножку. Понимаете, в чем беда, я так располнел, что совсем не двигался, и чем больше набирал вес, тем больше хотел есть. А Трикси ворвалась в мою жизнь, как ураган, взялась за меня, посадила на диету. Я жил в собственном доме, он мне от матери достался. Трикси предложила его продать и купить домик здесь. Надеюсь, с садом получится. Я бы ужасно хотел что-нибудь вырастить, понимаете?

Хэмиш кивнул, а затем спросил:

– А вам не скучно тут без театра, без кино? В городе всяко повеселее.

– Нет, я в городе не очень-то весело жил. А тут тихо и люди приветливые. Нам все так помогли. Но это всё Трикси. Ее все любят. Она для деревни тоже много собирает сделать. Вот решила организовать Лохдубское общество наблюдения за птицами и защиты птиц. Сегодня вечером в церкви первое собрание.

– Ну, детям будет интересно, – вежливо сказал Хэмиш. – Главное – не переборщить. Иногда такие общества – настоящая гроза для местных. Запрещают всем копать торфяные болота, потому что там гнездится какая-нибудь, не знаю, большая хохлатая свистулька. Но миссис Томас, наверное, просто хочет узнать побольше о местных птицах.

– Наверное, – отозвался Пол. – Но она любит за все браться как следует. Даже собралась организовать движение «За чистый Лохдуб!».

– Чистый – в моральном плане?

– Нет, просто без мусора.

Хэмиш обвел взглядом идущую вдоль берега улицу. На земле не валялось ни бумажки.

– И она хочет встретиться с доктором Броуди, организовать Лигу по борьбе с курением.

– О, это затея опасная, – заметил Хэмиш. – Наш доктор дымит как паровоз.

– Да, знаю. Трикси говорит, это никуда не годится. Говорит, из-за него у пациентов будет рак. Она даже провела с Анджелой беседу о его питании. Вы бы видели, чем она кормит мужа. Все с жареной картошкой. Сплошной холестерин.

Хэмишу стало неловко.

– Нехорошо вмешиваться в чужие дела, – сказал он. – Броуди пятьдесят семь, а выглядит он на сорок и, сколько я его помню, ни разу не болел.

– А Трикси знает, как ему лучше, – непринужденно возразил Пол.

Дальше они шли молча. Хэмиш вспомнил Дэвида Кэрри, тошего, хилого парня, который когда-то жил в Лохдубе. Он просто обожал свою мамашу-тираншу. Его любимым выражением было: «Мама знает, как лучше». А в один прекрасный вечер он напился, схватился за топор и

погнал мать по улице, и Хэмишу пришлось спасать насмерть перепуганную даму. После этого семья Кэрри уехала в Эдинбург. Как слышал Хэмиш, Дэвид стал светилом местной религиозной общины.

Арчи Маклин был дома. Он одарил Хэмиша приветливой улыбкой, но при виде Пола она сошла с его лица. Одолжить культиватор он согласился, но с Полом держался не слишком дружелюбно, и Хэмишу стало интересно почему.

Весь день Хэмиш и Пол слаженно работали вместе. Затем Хэмиш пригласил его выпить чаю в полицейском участке. Он поставил на стол чайник, две кружки и тарелку с шоколадным печеньем, но тут в кабинете зазвонил телефон.

Оставив Пола, Хэмиш отправился ответить на звонок. Говорил старший детектив-инспектор Блэр из Стратбейна.

– Как делишки, деревенщина?

– Да ничего, – ответил Хэмиш.

– Есть о чем доложить?

– Нет, не о чем.

– Вот скотина везучая, – проворчал Блэр. – Послушай, тут новый суперинтендант, Питер Дэвиот, собрался в Лохдуб на рыбалку, остановится в гостинице. Я хочу, чтоб ты держался от него подальше.

– Почему?

– Да для твоего же блага, придурок. Узнает, что тебе нечего делать, – возьмет и прикроет твой участок.

– У вас всё? – спросил Хэмиш.

– Всё! – рявкнул Блэр. – К Дэвиоту не лезть. Я предупредил.

Хэмиш грохнул трубкой.

Подождав некоторое время, он позвонил мистеру Джонсону, управляющему лохдубской гостиницей.

– Что скажете, если я вызовусь целый месяц совершенно бесплатно снабжать гостиницу яйцами от кур свободного выгула? – спросил Хэмиш.

– Скажу «давай», – ответил управляющий. – Из-за этой паники вокруг сальмонеллы все хотят, чтобы яйца были от кур свободного выгула. Я им, конечно, говорю, что у нас так и есть. Велю повару покрасить их кофе и прилепить на скорлупу перышко-другое, чтоб было похоже. Но с кого-нибудь непременно станет отравиться. А что ты хочешь взамен?

– Нет ли у вас постояльца по фамилии Дэвиот?

– Есть такой, только приехал.

– Тогда я хочу заказать ужин на двоих на сегодняшний вечер.

– Ладно. По рукам. Только шампанское не заказывай.

Затем Хэмиш позвонил в поместье Томмель. Трубку снял дворецкий, и Хэмиш попросил к телефону Присциллу.

– Кто говорит? – подозрительно спросил дворецкий.

– Джеймс Фозерингтон, – ответил Хэмиш с безупречным выговором джентльмена из высшего сословия.

– Одну минуту, сэ, – сказал дворецкий елеиным голосом.

Присцилла подошла к телефону.

– Алло, Хэмиш, – сказала она. – Это же ты, да?

– Я. Не хочешь поужинать со мной сегодня вечером в гостинице?

Повисло долгое молчание, и Хэмиш с силой сжал трубку.

– Хочу, – наконец ответила Присцилла. – Но каждый платит за себя. Джонсон все повышает цены и повышает.

– У меня есть деньги, – оскорбился Хэмиш.

- Прекрасно. Во сколько?
- В восемь. И... э-э... Присцилла, не могла бы ты надеть что-нибудь шикарное?
- Есть смысл спрашивать зачем?
- Нет.
- Поняла. До встречи.

Хэмиш вернулся на кухню. Пол исчез. С ним исчезло и все печенье. Более того, тарелка была измазана джемом.

«Шоколадное печенье с джемом! – поразился Хэмиш. – Удивительно, что у него еще зубы остались».

В тот вечер перед доктором Броуди оказалась тарелка с диким розовым рисом. Жена налила ему минеральной воды.

- Это что? – спросил он, потыкав мешанину вилкой.
- Рис с тунцом, – гордо объявила Анджела. – Измельчаешь тунца в блендере, а пасту смешиваешь с диким рисом. И попробуй хлеб, он цельнозерновой. Я сама испекла.

Доктор Броуди осторожно положил вилку. Он посмотрел на жену. Ее волосы стали кудрявыми, будто парик, и в них появились крашенные серебристые прядки. На ней была просторная белая рубашка с вышитыми клубничками, новые голубые джинсы и белоснежные кроссовки. Все это время он не жаловался на перемены и рад был, что у жены появились новые интересы, хоть и надеялся, что скоро ей надоест и она снова станет самой собой. Но день был долгий и трудный. Он изголодался и измотался. Дом сиял как начищенное серебро, но казался стерильным и неудобным.

Он поднялся из-за стола.

– Ты куда? – спросила Анджела.

– В гостиницу, поесть как следует. Говорят, там новый повар. Хочешь со мной?

– Ну чего ты? – У Анджелы уже выступили слезы на глазах. – Я же весь день надрывалась: убиралась, хлеб пекла...

Доктор Броуди вышел из дома и совершенно бесшумно закрыл за собой дверь.

Анджела села на стул и горько-горько заплакала. Трикси сказала, что жирная еда, дешевое вино и сигареты его погубят. Все это было ради него, а он над ней поглумился! Наконец она утерла слезы. Скоро она пойдет на собрание общества защиты птиц. Трикси будет там. Трикси знает, что делать.

Миссис Дэвиот сказала мужу:

– Смотри, какая изысканная пара!

Суперинтендант посмотрел на них поверх меню. Высокий худой мужчина с огненно-рыжими волосами, одетый в ладно скроенный, но слегка старомодный смокинг, придерживал дверь для высокой блондинки в нефритово-зеленом платье-бюстье с коротенькой пышной юбкой и в шелковых зеленых туфлях на высоком каблуке.

К столику Дэвиотов подошел официант, готовый принять заказ.

– Это у вас приездие? – спросил мистер Дэвиот, указав на парочку.

– Нет-нет, – ответил официант, – это мисс Халбертон-Смайт и мистер Макбет, наш констебль.

– Пригласи их к нам за столик, – с энтузиазмом предложила его жена.

Миссис Дэвиот свойственны были честолюбие и снобизм, и она страстно желала рассказать подругам, что поужинала с кем-то из семейства Халбертон-Смайтов.

Вскоре Хэмиш с Присциллой уже сидели за столиком суперинтенданта.

– Давайте по-простому, по именам, – с готовностью предложила миссис Дэвиот. – Я Мэри, а это мой муж Питер.

– Что ж, очень приятно, – ответила Присцилла. – А мы – Присцилла и Хэмиш.

Хэмиш уже три раза пожалел, что решил угробить вечер, который мог бы провести наедине с Присциллой, только чтобы насолить Блэру. Мэри Дэвиот была маленькой, толстенькой, вычурно одетой дамочкой, которая все время уродовала свой шотландский акцент, пытаясь переделать его в английский. Муж ее был худым человечком с серыми глазами, волосами и лицом.

– Так вы Макбет, – сказал он, оглядывая Хэмиша.

– Можно просто Хэмиш, Питер, – любезно ответил тот.

Затем повисло молчание: все выбирали, что заказать.

– Ну и цены, – наконец сказал Дэвиот. Он обернулся к официанту: – Стандартное меню, пожалуйста.

– Может, ты хочешь что-то другое? – спросил Хэмиш у Присциллы.

– Нет, дорогой, – смиренно ответила та.

Хэмиш осознал, что разозлил ее, воспользовавшись ею, чтобы пробиться к суперинтенданту, и у него сжалось сердце.

– Вы как, готовы к Двенадцатому? – спросила миссис Дэвиот у Присциллы.

Та приподняла брови.

– К Славному двенадцатому⁷, – пояснила миссис Дэвиот.

– Отец, думаю, готов, – сказала Присцилла. – А я больше не стреляю. Птиц и так осталось мало.

Хэмиш заказал достойную бутылку кларета. Он предложил винную карту мистеру Дэвиоту, но тот сказал:

– А мы просто нальем из вашей бутылки по бокалу. – Затем он спросил у Хэмиша: – А вы ведь участвовали в расследовании убийства того типа, которого застрелили на пустоши, пока он охотился на куропаток, верно?

– Да.

– Расскажите. Меня тогда еще в Стратбейне не было.

Пока Хэмиш рассказывал, Присцилле пришлось терпеть жеманную и пошлую болтовню миссис Дэвиот.

Подали первое блюдо. Это оказался лососевый мусс. На тарелке лежала крошечная порция в форме рыбки – она так и уставилась на Хэмиша зеленым каперсом, изображающим глаз.

– Слыхала, повар очень известен своей *новел кьюзин*, – сказала миссис Дэвиот.

– Я не поклонница *nouvelle cuisine*⁸, – заметила Присцилла. – Ею невозможно наесться.

Она покосилась на Хэмиша – тот, на вид вполне довольный жизнью, беседовал с суперинтендантом. Мистер Дэвиот не слишком понравился Хэмишу, но произвел на него впечатление толкового полицейского.

К своему огромному удивлению, Присцилла осознала, что в последние несколько дней совсем не думала про Джона Берлингтона. Но сейчас она от всей души желала, чтобы он вдруг объявился, как по волшебству, и забрал ее из ресторана, подальше от жадного взгляда миссис Дэвиот – Присцилле так и казалось, что та пытается посчитать в уме стоимость ее платья, серег и колье.

Следующее блюдо называлось «Турнедо „Красавчик принц Чарли“»⁹. На маленьком кружочке тоста лежал маленький кусочек стейка из вырезки. Тарелку украшали цветочки, выре-

⁷ «Славным двенадцатым» в Британии называют 12 августа – день начала сезона охоты на куропаток. Подробнее об этом можно узнать во второй книге цикла, «Смерть негодяя».

⁸ *Nouvelle cuisine* (*фр.* «новая кухня») – направление кулинарии, зародившееся во Франции в 60–70-е годы XX века. Оно стремилось «оздоровить» традиционную кухню и подчеркнуть естественный вид и вкус ингредиентов.

⁹ Турнедо – французское название округлого стейка из говяжьей вырезки. «Красавчик принц Чарли» – прозвище Карла Эдуарда Стюарта, представителя шотландской династии Стюартов. В 1745 и 1746 годах он поднимал в Шотландии восстания

занные из двух грибов и двух редисок. К ней подали лимонницу, в которой лежала маленькая порция нарезанной моркови и совсем мизерное количество стручков сахарного гороха. Мысленно Хэмиш сократил объем яичной поставки на две трети и оскорбленно покосился на мистера Джонсона. Тот немедленно бросился к нему.

– Всё в порядке? – спросил он.

За спиной управляющего раздался грохот, и он резко развернулся. Доктор Броуди опрокинул стул и стремительно покинул ресторан.

– Прошу прощения, – пробормотал мистер Джонсон и поспешил вслед за доктором.

– Что ж, кажется, убийств в Лохдубе больше не ожидается, – сказал мистер Дэвиот.

– Надеюсь, – ответил Хэмиш. – Но у нас завелся катализатор насилия.

– А это чего? – спросила миссис Дэвиот.

– Тот, кто создает такие ситуации и зарождает такую злобу в людях, что зачастую за этим следует убийство.

– Не верю я в такое, – сказал мистер Дэвиот. – Убийцы обычно алкаши, или наркоманы, или и те и другие одновременно. Или еще злые от рождения. Нельзя сделать так, чтобы другой человек тебя убил.

– А по-моему, можно, – возразила Присцилла. – Это ведь часто как будто самоубийство. Доводишь другого человека, пока он не сделает это за тебя.

– Я лично против того, чтоб в работу полиции лезли с популярной психологией, – заявил суперинтендант. – Нет ничего лучше качественной судмедэкспертизы. А генетическая дактилоскопия – это же вообще чудо!

Они с Хэмишем принялись обсуждать дела, раскрытые этим методом, и Присцилла снова осталась наедине с миссис Дэвиот. «Наверное, так бы я и жила, если бы вышла за Хэмиша», – подумала Присцилла. Но с другой стороны, Хэмиш ведь сам захотел поговорить с суперинтендантом – а это наверняка значит, что он наконец проявляет амбиции. Эта мысль вдруг воодушевила Присциллу, и переносить расспросы миссис Дэвиот стало легче.

Подали последнее блюдо – «Фрументи Флоры Макдональд»¹⁰. Присцилле показалось, что она ест взбитые сливки с каплей самого дешевого хереса.

До Присциллы вдруг донеслись слова миссис Дэвиот:

– Хорошо бы нам снова встретиться.

Присцилла призадумалась. Проводить больше времени в обществе этой женщины ей совершенно не хотелось. Но с другой стороны, если Хэмиш озаботился продвижением по службе, ему следует помочь. Да и отец рад будет познакомиться с новым суперинтендантом.

– Приходите завтра на ужин, – сказала она. – В восемь вечера в поместье Томмель. Вы знаете дорогу?

– О да, – ответила миссис Дэвиот не дыша. – Питер, Присцилла пригласила нас на ужин завтра вечером.

– Как мило с вашей стороны, – сказал мистер Дэвиот.

– Да, спасибо, Присцилла, – быстро примазался к приглашению Хэмиш.

Присцилла задумалась, понравится ли ее отцу принимать Хэмиша Макбета в своем доме.

После ужина мистер Дэвиот расписался в своем счете, а Хэмиш непринужденно сообщил официанту, что рассчитается с мистером Джонсоном утром.

Выходя из ресторана, Хэмиш чуть задержался.

– Как тебе ужин? – спросил мистер Джонсон.

с целью захватить английский престол, за что стал шотландским национальным героем.

¹⁰ Фрументи – традиционное британское блюдо, напоминающее сладкую пшеничную кашу. Флора Макдональд – героиня шотландского восстания 1746 года, которая помогла вышеупомянутому Карлу Эдуарду Стюарту бежать на континент после провала.

– С-с-старый мерзавец, – разъяренно сказал Хэмиш. – Я весь оголодал. Это что за детские порции? Полдесятка яиц – больше не заслужили.

– Не кипятись, парнишка. С *nouvelle cuisine* не получилось – вернем *vieille*¹¹. У Броуди чуть удар от злости не случился. Сказал, мол, весь Лохдуб стоворился его голодом уморить.

– Что ж, зато продажи рыбы с жареной картошкой сегодня вечером значительно вырастут.

Хэмиш догнал остальную компанию, попрощался с четой Дэвиотов, а затем проводил Присциллу до машины.

– Хэмиш, ужин был отвратительный, – объявила Присцилла. – Но я все тебе прощаю. Не думала, что настанет день, когда ты попробуешь выслужиться перед суперинтендантом. Тебе давно пора взяться за свою жизнь.

Хэмиш ничего не ответил. Сказать ей, что он сделал это все назло Блэру, он не осмелился. Коснувшись губами его щеки, она села в свою машину.

– Хочешь, подвезу?

– Не надо, я пешком.

Хэмиш поднял руку в прощальном жесте, и Присцилла уехала.

Прогуливаясь вдоль берега, он вдруг заметил, что кто-то торопливо идет по другой стороне дороги. Лица не было видно за капюшоном анорака, но сияющие кроссовки явно указывали на Трикси. Она отворачивалась, будто не хотела, чтобы ее узнали. Хэмиш остановился и проследил за ней взглядом. Она направлялась к гостинице.

Хэмиш очень хотел знать, что она задумала. Кажется, она отстранила Пола от садовых работ, и тот теперь сидел на каменной ограде участка, неотрывно глядя на залив. Затем Хэмиш забыл о Трикси и задумался, как полковник Халбертон-Смайт воспринял новость о том, что Хэмиш Макбет приглашен на ужин в его поместье.

– Хочешь пригласить супера с женой – пожалуйста, приглашай, – бушевал полковник, – но этого побирушку в форме я на порог не пушу!

– Ну тогда придется мне отвести всех в ресторан, – невозмутимо ответила Присцилла. – Дэвиот очень огорчится, если Хэмиша не будет за ужином.

Дворецкий Дженкинс, который был занят тем, что подавал полковнику ужин – сэндвичи с виски, – наклонился к полковнику и что-то шепнул ему на ухо. Полковник вздрогнул и вышел из комнаты; дворецкий пошел за ним следом. Вскоре полковник вернулся, и вид у него был чрезвычайно довольный. Он сказал:

– А может, зря я так, Присцилла. Приглашай своего полицейского, не стесняйся.

Присцилла задумалась, что такого мог сказать Дженкинс. Дворецкий терпеть не мог Хэмиша. Раз отец так резко сменил гнев на милость, значит, со слов Дженкинса он понял, что на ужин Хэмиш не попадет. Спрашивать Дженкинса было бесполезно: Присциллу он тоже не жаловал.

Она подождала, пока Дженкинс принесет кофе, тихонько вышла и направилась в комнату кухарки-экономки, миссис Энгус, – нужно было немного спуститься по черной лестнице.

Присцилла застала миссис Энгус не вполне трезвой – впрочем, для той это было в порядке вещей. Присцилла дала ей знать о предстоящем ужине, обсудила меню, а затем спросила:

– А Дженкинс что-то знает про Хэмиша Макбета? Мне показалось, он не ожидает его увидеть за ужином.

– Ага, – сказала миссис Энгус осипшим от виски голосом. – Джимми, рыбинспектор, кому-то проболтался, что Хэмиш Макбет сегодня ночью пойдет на реку браконьерством зани-

¹¹ Старую (*фр.*).

маться. Ну, вы ж знаете, у Джимми с Хэмишем уговор, чтоб он только одну рыбу брал. Но у Джимми-то язык без костей, вот и пошутил при ком-то, что у нас полицейский – браконьер, а этот кто-то возьми да и сообщи этому типу, мистеру Дэвиоту.

– Но кто мог так поступить? Не верю, что это кто-то из деревни. Дженкинс?

– Не, не он. Он весь вечер был тут. Но Хэмиш на реку собрался в полночь, и тогда-то, наверное, этот суперинтендант и пойдет его искать.

Присцилла посмотрела на часы. Полдвенадцатого! Она бросилась к себе в комнату, переоделась в свитер, твидовую юбку и туфли без каблучков, а потом вылезла из дома через заднее окно, чтобы отец не увидел, села в машину и, нажав на газ, отправилась искать Хэмиша.

В полицейском участке было темно, и на стук никто не ответил, так что она поехала дальше, в сторону реки Энсти.

Припарковав машину, она пошла по тропе, идущей вдоль реки, к любимому месту для рыбалки Макбета. Начинало накрапывать.

Хэмиш зашел в реку и забросил удочку. Он стоял в сапогах в журчащей воде, и влажный воздух пах сосной, вереском и жимолостью. А потом он услышал, как кто-то с громким шорохом пробирается сквозь поросль со стороны тропы. Смотав удочку, он поспешил было к противоположному берегу, но вдруг замер на месте, услышав знакомый голос:

– Хэмиш!

– Присцилла?

Хэмиш побрел на голос. Он смог различить белое пятно – ее лицо.

– Вылезай, – зашипела она. – Кто-то рассказал суперу, чем ты занимаешься, и он сейчас, наверное, придет тебя арестовывать. Вылезай! Давай сюда удочку с сачком, я спрячу в кустах. И сапоги снимай.

Хэмиш отдал ей удочку и сачок, а затем, усевшись на берегу, стянул с себя сапоги. Присцилла вылезла из кустов, забрала сапоги и отправилась прятать их там же, где спрятала удочку и сачок.

– А не лучше просто уйти? – спросил Хэмиш, когда она вернулась.

– Слушай!

Присцилла подошла к нему поближе, и, замолчав, они напрягли слух. Они услышали тихие звуки, будто кто-то подходил исподтишка: шарканье ног, треск сучков.

– Притворимся парочкой, – сказала Присцилла. – Обними меня.

Хэмиш прижал ее к себе. Голова у него шла кругом.

– Сделаем так, чтоб точно поверили, – тихо сказал он, наклонился к ней и поцеловал.

Мир вокруг поплыл. Его затягивало в бездонный омут, и Присцилла была у него в руках. А потом ему в лицо ударил ослепительный свет. Они с Присциллой отскочили друг от друга.

Хэмиш стоял как в трансе, слегка покачиваясь.

– Что вы себе позволяете? – ледяным тоном спросила у кого-то Присцилла, но ее голос будто раздавался где-то далеко-далеко.

– Простите, – услышал он ответ Дэвиота. – Простите, ради бога. Джимми сказал, на реке браконьер, вот мы и...

– Как видите, мистер Дэвиот, произошла постыдная ошибка. Джимми, я от вас такого не ожидала, – сказала Присцилла.

Рыбинспектор переминался с ноги на ногу.

– Что ж, мне очень жаль, что я помешал вашему... я помешал... э-э... – замялся суперинтендант.

– Да, мне тоже очень жаль. Доброй ночи, мистер Дэвиот. Завтра жду вас и миссис Дэвиот в восемь вечера.

– Да. Что ж, э-э, доброй ночи, э-э, Хэмиш.

Но Хэмиш просто стоял, бессмысленно улыбался и глядел в пространство.

Когда они ушли, Присцилла забегала, принялась доставать из кустов снасти и сапоги, при этом не глядя на Хэмиша. Пылкий поцелуй – и сила, с которой она на него отозвалась, – выбил ее из колеи. Помочь Хэмишу подняться по карьерной лестнице – это, конечно, хорошо, но она ведь не собирается за него замуж. Ей не место в его мире, а ему – в ее. Наконец она подергала его за рукав, будто будила спящего, и он, покорно забрав свои вещи, побрел за ней вверх по холму.

Глава третья

Жажда совершенства, таким образом, есть жажда сладости и света.

Мэтью Арнольд¹²

Старший детектив-инспектор Блэр сказал, что Хэмиш – недоумок. На ужине в поместье Томмель мистер Дэвиот начал подозревать, что Блэр был прав. Хэмиш обо все спотыкался, все ронял, ненароком поставил локоть в соусник и не переставал глупо улыбаться. Мистер Дэвиот посочувствовал полковнику, который, кажется, совершенно не выносил констебля. Что же Присцилла в нем нашла?

Присцилла Халбертон-Смайт надела короткое и облегающее вечернее платье черного цвета. Оно подчеркивало ее стройный силуэт и контрастировало со светлым золотом волос. Мистер Дэвиот досадовал, что его жена решила вырядиться в платье из бежевого шелка с огромным бантом прямо на полном бедре. Он привык к мешанскому говору своей жены, но на званом ужине тот резал ему ухо. Неужели сложно запомнить, что «фужер» – это для шампанского, а красное вино пьют из бокалов, и вместо «чего» говорить «что»? Он обозлился на жену и, стоило ей открыть рот, бросал что-то вроде «Не говори глупостей!» и «Никому не интересно», и от обиды у нее все стало валиться из рук еще сильнее, чем у Хэмиша.

¹² Из эссе «Культура и анархия» (1869). Пер. А. Салина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.